

Опубликовано:

Сенявская Е.С. «Без бабы и без вина и война не нужна»: Проблемы фронтовой морали в период Первой мировой войны» // Историческая психология и социология истории. 2013. №1(Т.6). С.32-48.

Е.С. Сенявская

«БЕЗ БАБЫ И БЕЗ ВИНА И ВОЙНА НЕ НУЖНА»: ПРОБЛЕМЫ ФРОНТОВОЙ МОРАЛИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В статье на основе источников личного происхождения - писем, дневников, воспоминаний участников боевых действий раскрывается один из важных аспектов фронтовой повседневности Русской армии в период Первой мировой войны – девальвация традиционных нравственных ценностей и крушение моральных устоев в экстремальной обстановке военного времени. Рассматриваются такие сюжеты как пьянство военнослужащих в условиях официально объявленного сухого закона, половая распущенность, мародерство, неприязнь фронтовиков к «тыловым и штабным крысам» и др.

«Война приводит к ожесточению сердец и падению нравов» – эта старая истина в полной мере проявила себя и в Первую мировую войну, обострившую до предела многие социальные язвы, разрушившую нравственные барьеры, совершившую переворот в сознании миллионов людей. «Пограничное, пороговое состояние особенно ярко проявляется во время войны – в период испытания всех сил личности и ценностей, связывающих ее с социумом, выявления самой сущности человека. Современная война, ведущаяся техническими средствами, ставит каждого перед выбором: утраты человеческого, ухода в болезнь, или подчинения ритму, духу, законам войны... Первая мировая война для русского комбатанта имела особое значение. Для России она являлась первой современной войной «нового типа». С другой стороны, солдат, как и все российское общество, не был к такой войне готов, прежде всего, в силу несовпадения культурной организации общества и характера войны.

---

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Соглашение № 14.В37.21.0967.

Результатом этого неминуемо должен был стать культурный шок, который ощутили миллионы солдат, очутившиеся на театре военных действий»¹.

«Такова война: здесь чувствуешь только то, с чем сейчас приходишь в соприкосновение. Живешь только тем, что волнует сию минуту, – писал военный врач Л. Войтоловский. – Вчера и завтра – слова, незнакомые войне. Будущее – это золотая химера, в которую верят одни младенцы. Прошлое – даже то, что происходило совсем недавно, – представляется далеким полузабытым сном. Да и вся война – это какой-то страшный сон наяву. Мир, оторвавшийся от тысячелетних привычек и убеждений и напоенный блеском и радостью обманов, лжи и пороков. Старые заповеди: не убий, не укради, не пожелай ни вола, ни осла своего ближнего – здесь, на фронте, звучат как злая насмешка. Кто хочет побеждать, тот не станет грезить о пустяках, тот смело хватается за меч. Таков душевный строй на войне, и в этом наше спасение. Если бы мы лишены были этой способности перевооружаться новыми догмами применительно к новому бытию, людям ничего бы не оставалось, как поминутно сходить с ума от грубых противоречий между претензиями фальшивого тыла и требованием повелительных пушек»².

Самым распространенным проявлением асоциального, с точки зрения обывателей, поведения, а на деле – попыткой снятия боевых стрессов наиболее простым, доступным и привычным способом, явилось массовое **пьянство** в рядах Действующей армии, которое не смог обуздать даже введенный в России сухой закон.

18 июля 1914 г., в связи с начавшейся войной, царское правительство ввело запрет на продажу алкоголя на время мобилизации, который в конце августа был продлен «до окончания войны». Впрочем, запрет не распространялся на продажу церковного вина в храмах и всех видов спиртных напитков в ресторанах первого разряда и буфетах при собраниях и клубах, то есть питейных заведениях для состоятельных сословий. Производство спиртного было свернуто, но виноторговцы сохраняли право торговли винами довоенного производства. Сухой закон коснулся в основном «рабочей скотинки», низов общества. В деревнях же возросло самогонование.

Что касается армии, то еще в 1908 г. была отменена «винная порция»: выдача водки нижним чинам была воспрещена, и она была изъята из продаж в солдатских буфетах и лавках. «Начальникам всех степеней было запрещено по своему усмотрению давать водку нижним чинам части в военное и мирное время; выдача ее допускалась лишь отдельным

---

¹ Асташов А.Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния Русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 268.

² Войтоловский Л. Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998. С. 342.

нижним чинам в виде лекарства. Винную порцию разрешалось, однако, заменять легким виноградным вином, пивом или улучшенной пищей по усмотрению, в зависимости от времени года, условий квартирования и пр.»³.

С начала войны спирт поставлялся только в госпитали и лазареты, а солдаты и, главным образом, офицеры с трудом доставали горячительные напитки «по случаю», чтобы отметить праздники, расслабиться на отдыхе или просто согреться. Зато тогда же, при отсутствии достаточного количества спиртного в условиях боевых стрессов, появились морфинисты и кокаинисты: сравнительно доступный в то время наркотик заполнил образовавшуюся пустоту.

Упоминания о спиртном в разных обстоятельствах фронтовой жизни часто встречаются в дневниках прапорщика Бакулина:

9 ноября 1914 г.: «Солдаты обыскали немецкие ранцы, хлеба не было, было сало фунтов 5, у некоторых консервы, какая-то мазь в баночках, которую солдаты пробовали на язык, сначала мазнув пальцем по мази, а потом палец на язык, оказалась несъедобная, а противная, как мне говорили некоторые из солдат. Во флягах была водка, которую «землячки» тоже попробовали, тоже не одобрили, «больно крепка, да очень сладка, так, что противно»⁴.

25 марта 1916 г.: «Карточная игра и пьянство в войсках процветают... Игры, понятно, азартные. Пьют коньяк, так как с разными ухищрениями его достать сложно, достают по рецептам военных докторов..., по высокой цене у торговцев. Также теперь стал в большом ходу спирт, который легче достать, чем коньяк... Иногда приходится доставлять водку казенную и теперь, кто ее пьет, заявляет, что она слаба и ее тоже сдобривает спиртом, чтоб была крепче»⁵.

14 июня 1916 г. «Один из наших полков 50-й дивизии отбил 20 бочек рому. Вообще, в Луцке было оставлено вина много, но как явился интендант, то все было конфисковано, и он уже продавал всем желающим офицерам коньяк и ром по 5 руб. за бутылку, и, так как спрос был велик, то цену увеличил до 10 руб., а теперь совсем не продает. Вырученные за

³ Аранович А.В. Интендантское снабжение Русской армии во второй половине XIX - начале XX века. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2006. С. 375.

⁴ Из дневников офицера русской армии Бакулина // Голоса истории. Материалы по истории первой мировой войны. Сб. научных трудов. Вып. 24. Кн. 3. М., 1999. С.47.

⁵ Там же. С. 85.

вино деньги, якобы пошли в государственный доход. Вряд ли все, а так, крохи в доход попадут»⁶.

23 ноября 1916 г.: «В Луцке одеколон можно покупать с разрешения коменданта. Корпусной врач, большой специалист по спирту, возмущен тем, что теперь спирт доставляется в лазареты госпиталя с примесью эфира. «Черт знает што, – восклицает врач, – сами выпивают, и чтоб погасить убыль, подливают эфир – даже пить нельзя»⁷.

26 марта 1917 г.: «Сегодня еще разбили погреб с вином, вино выпустили на землю и тут черпали прямо с грязью. Мой взвод весь перепился. Одним словом, все солдаты пьянствуют и дебоширят. Разыскивают у жителей вино и прямо увозят, а жители, у которых тащат вино, указывают на других, у кого еще вино есть – так беспрерывно и идет...»⁸

Весьма неприглядную картину периода отступления в сентябре 1915 г. в Полесье рисует Л. Войтоловский: «Варынки, Васюки, Гарасюки... В воздухе пахнет сивушным маслом и спиртом. Кругом винокуренные заводы. Миллионами ведер водку выпускают в пруды и канавы. Солдаты черпают из канав эту грязную жижу и фильтруют ее на масках противогазов. Или, припав к грязной луже, пьют до озверения, до смерти. Земля вся пропитана спиртом. Во многих местах достаточно сделать ямку, копнуть каблуком в песке, чтобы она наполнилась спиртом. Пьяные полки и дивизии превращаются в банды мародеров и на всем пути устраивают грабежи и погромы. Особенно буйствуют казаки. Не щадя ни пола, ни возраста, они обирают до нитки все деревни и превращают в развалины еврейские местечки... Пьяный разгул принимает дикие размеры. Пьянствуют все – от солдата до штабного генерала. Офицерам спирт отпускают целыми ведрами. Каждая часть придумывает всевозможные предлоги для устройства официальных попоек. В одном месте батарея 49-й бригады вспомнила о своем батарейном празднике и остановилась в лесу, в стороне от дороги. На высоких соснах кое-как примостили наблюдательные пункты. Раскинулись пикником на травке. Мобилизовали всех поваров. Вытащили спирт. Вдруг обстрел. Кто-то из офицеров залез под зарядный ящик. Снарядом ящик зажгло. Все растерялись. Фейерверкер по имени Новак, рискуя собственной головой, откатил ящик и вытащил офицера. Батарея спешно передвинулась на другое место. Когда послали за спиртом, спирта не оказалось. По постановлению офицеров всех поваров пороли, но спирта так и не нашли.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Там же. С. 112.

Пьяные солдаты совершенно вышли из повиновения. Самые солидные из наших артиллеристов ходят пошатываясь. Щеголеватый Блинов попался мне на днях на глаза в ужасном виде: весь грязный и с большим синяком под глазом.

– И вам не стыдно, Блинов? – упрекнул я его.

– Виноват! – ответил он заплетаящимся языком. – Водка рот вяжет, а душу тешит...»⁹

О захваченных во взятых городах запасах горячительных напитков упоминает прапорщик Д. Оськин: «Радзивиллов быстро разрушается. Почти каждый день то в одном, то в другом конце города случаются пожары от неосторожного обращения наших солдат с печами, в которых они готовят пищу, не довольствуясь обедами из походной кухни... В подвалах солдаты находят водку и вина. Пока об этом неизвестно офицерам, солдаты напиваются сами, но по мере обнаружения вино и водка забираются в офицерское собрание»¹⁰. И легко находит оправдание подобному поведению: «Наш полк к семи часам утра вошел в город. Потери колоссальные... Единственной наградой оставшимся в живых была масса захваченных в Бродах наливок, настоек, ликеров. Три-четыре дня стояния в резерве все офицеры полка были пьяны. Пили, пока не уничтожили всего запаса»¹¹.

Кстати, неприятель нередко использовал тягу к алкоголю как средство нанесения урона личному составу противоборствующей стороны: в документах упоминаются факты, когда немецкие и австрийские войска специально оставляли при отступлении или подбрасывали к русским позициям бутылки с отравленным спиртным.

Другой вопрос связан с гендерными отношениями в условиях войны и ***половой распущенностью***.

Первая мировая вызвала всплеск сексуальной активности среди солдат и офицеров. Циничная солдатская присказка гласила: «Без бабы и без вина и война не нужна»¹². «Среди солдат получили распространение порнографические открытки и фотографии, которые в большом количестве пересылались из Франции. Многие офицеры писали письма своим

---

⁹ Войтоловский Л. Указ. соч. С.425-426.

¹⁰ Оськин Д. Записки прапорщика // Откровенные рассказы. С. Мстиславский. Откровенные рассказы полковника Платова о знакомых и даже родственниках; Д. Оськин. Записки прапорщика. М., 1998. С. 247.

¹¹ Оськин Д. Записки прапорщика. С. 252.

¹² Федорченко С.З. Народ на войне. Фронтовые записи. М., 1990. С. 39-40.

женам и подругам каждый день, нумеровали их (были за 300 номеров и больше). Цензора отмечали подробности таких писем, до которых «никакой Мопассан не додумывался»¹³.

Беспорядочные интимные связи с женщинами-окопницами, беженками, проститутками в оккупированных районах Австро-Венгрии, жительницами населенных пунктов прифронтной полосы, сестрами из Красного Креста, добровольцами и др. стали массовым явлением с самого начала войны. Нередкими были случаи насилия над женщинами на захваченной территории противника, в чем особо отметились казаки.

Резко возросло количество венерических заболеваний, распространение которых в действующей армии сравнивали с тифом. При этом многие из заболевших не только не стыдились, но даже гордились своей болезнью и продолжали сексуальные похождения. «Блядовать не перестаю, стараюсь употреблять, не считаюсь с половыми болезнями»¹⁴, - бахвалился в письме один из офицеров.

26 ноября 1915 г. прапорщик Бакулин отмечал в своем дневнике: «В приказе начальника Западного фронта говорится: «Доктора, несмотря на свое высокое призвание, держат себя не так, как им подобает, предаются пьянству и развращают сестер милосердия, что и ставится им на вид и предлагают им исправиться»¹⁵. 13 мая 1916 г. он пишет: «Венерические болезни свирепствуют не только между военными, но также, как это не прискорбно, между сестрами милосердия, и не их награждают болезнями, а они. Недавно со ст. Молодечно было отправлено на излечение сто сестер; по словам одного врача в Варшаве лежало в госпитале до 300 сестер и несколько священников. Больные военные также не эвакуируются на излечение, эвакуируются только, у которых тяжелая форма болезни. Когда эвакуировали всех заболевших, то было замечено, что некоторые заражались намеренно, чтобы эвакуироваться. В Польше даже жида предлагали товар с вопросом: «Для удовольствия или эвакуации?»¹⁶. На фронте сифилис даже называли «сестритом», а символику красного креста над учреждениями военно-санитарных организаций сравнивали с «красным фонарем»¹⁷.

Офицеры о присутствии женщин в армии, как правило, высказывались без восторга, даже если те проявляли себя с самой положительной стороны. Недоверие и приклеивание «ярлыков» присутствовало изначально, и преодолевалось с трудом.

¹³ Асташов А.Б. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 373-374.

¹⁴ Оськин Д. Записки солдата. // Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. М., 1989. С. 315-316.

¹⁵ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 75.

¹⁶ Там же. С. 87.

¹⁷ Асташов А.Б. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. С. 375.

Приведем несколько отрывков из воспоминаний полковника Г.Н. Чемоданова. Первый описанный им случай касается сестер милосердия. Здесь обращает на себя внимание намек полковника о «благах», связанных с соседством Красного Креста, имеющий явно негативный оттенок, а также упоминание о том, что такое соседство – явление весьма редкое: «Во время доклада адъютант рассказывал мне новости, происшедшие за день, и между прочим сообщил, что тут же в имении расположен отряд Красного Креста. Удивление мое будет понятно тем, кто знает, как помпезно обычно располагались эти отряды и какие блага для полка проистекали от такого редкого соседства. Мне показалось невероятным, что я мог не знать о присутствии отряда, находясь в имении более суток»¹⁸. И тут выяснилось, что от большого некогда отряда, основная часть которого была отправлена в тыл, остались только белый флаг с красным крестом на доме, две юные сестры милосердия, четырнадцать санитаров и две санитарные повозки. Ни фельдшера, ни врача. «Вы понимаете, господин полковник, какое свинство устроили! – возмущался адъютант. – В такое время оставить двух молодых девушек на произвол четырнадцати санитаров...» И начал рассказывать, в каких условиях они живут: в холодном полуразрушенном здании, спят на нарах, питаются впроголодь, «и, кроме того, солдаты заставляют их каждый день по два часа газеты читать». Полковник посочувствовал и предложил «подкормить девиц» – приглашать их обедать вместе с офицерами.

И вот «к четырем часам за обедом собралась большая и непривычная компания. Присутствие двух сестер милосердия, молодых, интересных девиц, подтянуло собравшихся. Штабная молодежь сидела в своих лучших кителях, тщательно выбритая. Приехавшие с передовой гости потуже подтянули ремни своих гимнастеров и аккуратней расправили на них складки. Одичавшие в условиях жизни последних месяцев, отвыкшие не только от женского общества, но даже от вида дам, офицеры первое время чувствовали себя, видимо, связанными и держались с комичной торжественностью великосветских банкетов. К концу обеда настроение, однако, изменилось, непринужденность и простота, с которой держались наши гости, рассеяли натянутость, и разговор сделался общим, с тем особым оттенком оживленности, который получается от присутствия в мужской компании интересных женщин»¹⁹.

Во втором эпизоде Г.Н. Чемоданов повествует о встрече с женщинами-добровольцами из «батальона смерти». Дело происходит в период разложения армии, когда солдаты бегут с позиций, офицеры потеряли всякую власть и возможность наводить порядок. А женщины... Женщины остаются на посту и продолжают выполнять свой долг!

¹⁸ Чемоданов Г.Н. Последние дни старой армии. М.-Л., 1926. С. 121.

¹⁹ Там же. С. 123-124.

«За несколько дней до выступления на позицию, – вспоминает Г.Н. Чемоданов, – ко мне в штаб полка явились две молодые женщины из расформированного уже к тому времени батальона Бочаровой (?). «Примите нас на службу в полк», – обратились они ко мне с просьбой. Молодые, здоровые, рослые девицы, шинели туго перетянуты ремнями, на стриженных головах лихо надвинуты папахи. «Первый случай в моей практике», отношусь скептически и этого не скрываю; на повторные просьбы предлагаю вопрос перенести в полковой комитет, и вот эта пара хорошо грамотных разбитных девиц у меня в полку на должности телефонистов в команде службы связи»²⁰. Далее он описывает панику, когда вся рота убежала в тыл, а на передовой остались сам ротный, его денщик, телефонист, фельдфебель, повар и обозные от кухни, «девять человек всего и баба в их числе, телефонистка». «Ну и как она себя держала?» – спросил полковник у ротного, когда тот доложил обстановку. «Молодец баба, не меньше меня ругала и стыдила солдат», – был ответ.

В целом, отношение офицеров к женщинам в армии в Первую мировую войну представляется весьма противоречивым: с одной стороны, – недоверие, скептицизм, настороженность; с другой, – снисходительная опека, покровительство «слабому полу»; с третьей, – желание подтянуться, проявить себя с лучшей стороны, оказавшись в обществе «дам».

Отношение к представительницам Красного Креста со стороны солдатской массы было откровенно враждебным. В книге Софьи Федорченко «Народ на войне. Фронтовые записи» есть такие строки от имени солдата: «На той войне и сестры больше барыни были. Ты пеший, без ног, в последней усталости грязь на шоссе месишь, а мимо тебя фырк-фырк коляски с сестрицами мелькают»²¹.

Еще одно свидетельство (относящееся к 1917 году) – воспоминания большевика А. Пирейко, который служил рядовым (вернее, всеми способами отлынивал от службы, а потом красочно описывал в мемуарах свои подвиги в качестве дезертира). Он рассказывает, как в поезде, где он ехал, пассажиры, состоявшие главным образом из военных, всюду ругали большевиков. И тогда этот находчивый товарищ провел блестящую провокацию: сообщил солдатам, размещенным в вагонах третьего класса, что во втором классе едут женщины из «батальона смерти» (на передовую, в действующую армию!). Возмущенные этим обстоятельством солдаты («Как это так? Нас возили кровь проливать в теплушках, а этих б..., которые будут так же воевать, как и сестры воевали с офицерами, возят еще во втором классе!»), отправились «разбираться» с добровольцами. Недовольство было направлено в

²⁰ Там же. С. 110.

²¹ Федорченко С. Указ. соч. С. 265.

новое русло, о большевиках забыли²². Интересен как сам факт, рисующий отношение солдат к женщинам в армии (в том числе к медсестрам из Красного Креста), так и бравый тон, которым он описан.

Пренебрежительно-потребительское отношение к женщине в Первую мировую войну как к «средству для удовлетворения половой потребности» мужчин» сформировалось в результате сексуальной революции, обрушившейся на традиционное общество в условиях стремительной маргинализации огромных человеческих масс. Ранее запретное и постыдное становилось легко доступным и уже не столь порицаемым – в силу масштабности самого явления. В этом контексте «всеобщего грехопадения» развратные сестры осуждались солдатской массой не столько за то, что были доступны, сколько за то, что были доступны для избранных – офицеров, начальников, но не для простых солдат.

С другой стороны, русских солдат озлобляли нередкие сообщения из тыла, согласно которым австро-венгерские военнопленные, используемые на хозяйственных работах в деревнях, сожительствовали с солдатками, чьи мужья были на фронте. Обычно к таким работам привлекали этнически близких славян (русинов, словаков, чехов, поляков), с которыми легче было общаться на бытовом уровне. Так, в имениях помещиков во время войны пленные славянского происхождения составляя от 15 до 30% всех работавших на сельхозработах, где с ними могли контактировать солдатки²³. Не случайно в отчетах военной цензуры отмечалось, что «глубже всего затрагивает нашего солдата сознание, что нарушителем его семейного счастья являются зачастую даже не русские, а пленные – австриец или немец, которыми правительство пользуется для полевых работ»²⁴. В письмах с фронта и на фронт сообщалось, что «все бабы безмужние с пленными австрийцами жили»²⁵, что жены, «как с цепи сорвавшиеся, развратничают с пленными австрийцами вовсю, такое творится, что дома противно быть», «сифилис и другие болезни венерические процветают», что «некоторые дивчата хотят замуж выходить за австрийцев, надо им морду набить и тогда прохладятся», и т.п.²⁶ Возмущенные солдаты требовали от начальства и местного духовенства «обуздать» и «усоветить баб», и в результате вопрос был поднят военным командованием. Так, 3 августа 1916 г. командующий 5-й армией генерал В. Гурко послал министру внутренних дел А.А. Хвостову предложение «приказать подлежащим гражданским властям

²² Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926. С. 57.

²³ Хрящева А. Крестьянство в войну и революцию. М., 1921. С. 18, 25.

²⁴ См.: Асташов А.Б. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. С. 376-377.

²⁵ Федорченко С. Указ. соч. С. 316.

²⁶ Цит. по: Асташов А.Б. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. С. 377.

безотлагательно взыскать и провести меры для немедленного пресечения создающегося положения при использовании в деревнях военнопленных как рабочей силы»²⁷.

Результатом «падения нравов» и половой распущенности в годы войны стало заболевание венерическими болезнями в России 3,6 млн мужчин и 2,1 млн женщин²⁸.

Еще один сюжет связан с *мародерством*.

20 ноября 1914 г. артиллерийский прапорщик Ф.А. Степун писал жене из Галиции: «Над всем городом стоит вой оставшихся жителей. Происходит необходимая реквизиция керосина, сена, овса, скота. У уличного фонаря дерутся из-за керосина две руссинских женщины. Их, восстанавливая порядок, разгоняют казаки. У каждого под седлом бархатная скатерть или вместо седла шитая шелками диванная подушка. У многих в поводу по второй, по третьей лошади. Лихая публика. Какие они вояки, щадят или не щадят они себя в бою, об этом мнения расходятся, я своего мнения пока еще не имею, но о том, что они профессиональные мародеры, и никого и ни за что не пощадят – об этом двух мнений быть не может. Впрочем, разница между казаками и солдатами заключается в этом отношении лишь в том, что казаки с чистой совестью тащат все: нужное и ненужное; а солдаты, испытывая все же некоторые угрызения совести, берут лишь нужные им вещи. Очень строго к этому я совершенно не могу относиться. Человек, который отдает свою жизнь, не может щадить благополучия галичанина и жизни его телки и курицы. Человек, испытывающий над собою величайшее насилие, не может не стать насильником. Кутузов это понимал, и когда к нему приходили с жалобами на мародерство, он, бывало, говаривал «лес рубят, щепки летят»²⁹.

19 апреля 1915 г. Л. Войтоловский описывал отступление русских войск из той же Галиции: «Идет мелкое мародерство. Бесцельное, наглое. С заборов снимают торбы, ведра, посуду. Забегают во дворы, шарят в крестьянских избах, грабят дома, фольварки, местечки. И через двадцать минут все награбленное летит под ноги грохочущему потоку. Бросают все, что берут: сорванные с окон кисейные занавески, плюшевые скатерти, белье, самовары, кастрюли, граммофонные трубы, пластинки, вазы, щетки, горшки... Все это запружает дорогу, трещит под колесами и разжигает жажду погрома. Бросают одно – и снова грабят лежащие по пути дома, и снова бросают. Бегущая армия не ведает ни жалости, ни

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С.373.

²⁹ Степун Ф.А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 20-21.

евангельской любви и с презрительным отвращением относится к патриотизму, суду потомства и чужой собственности...»³⁰

22 июня 1915 г. вышел секретный приказ командующего 3-й армией генерала от инфантерии Леша, который, в частности, гласил: «По дошедшим до меня достоверным сведениям город Замостье при отступлении наших войск был разграблен казаками (частью в черкесках), причем были случаи насилия над женщинами... Установлены случаи взламывания сундуков и шкафов. К сожалению, я сам лично убедился в справедливости жалоб, особенно на казачьи войска. Всем начальствующим лицам предписываю принять самые строгие меры против мародерства и грабежа»³¹.

Явление это было масштабным и повсеместным. 6 марта 1916 г. М. Исаев³² писал жене с Кавказского фронта: «Не проходит дня, чтобы персы не приходили жаловаться, что у них солдаты и казаки отнимают сено бесплатно, отбирают деньги, обижают даже женщин. Дыму без огня не бывает. Отправляющимся на фуражировку дают деньги. Так соблазнительно оставить себе 4-5 рублей. Наши солдаты рассказывали мне, что жители на вопрос, есть ли у них сено, всегда отвечают «нет». Приходится отыскивать запрятанное сено, отбирать его «нахалом», и затем платить. Так вот, всегда ли производится последнее? И не от того ли прячется сено, что обычно за него не принято платить. ...Своим то я уже сколько раз объяснял положение этих несчастных персюков, что они и без того крепостные. Но сказать, что и наши никогда не злоупотребляли бы – я бы не смог. Зная отдельные личности – за своих смог бы поручиться, за других нет. А вместе тем, как и станешь особенно обвинять. После разгрома С.-Б., обозы некоторых частей были прямо набиты коврами и другим имуществом. Врач Красного Креста. мне говорил третьего дня, что старший врач этого транспорта оставил ему 40 больных, потому что его двуколки были заполнены коврами. А ведь это врач! А сколько иногда и золота досталось победителям. На обиду женщин смотрим сквозь пальцы. Все эти «уроки» не проходят бесследно для солдат, конечно. Распустить-то легко, а как потом подтянуть?»³³.

Прапорщик Д. Оськин писал в июне 1916 г. о разоренном прифронтовом г. Радзивиллов, откуда за несколько часов были выселены все жители: «Все здания заняты

³⁰ Войтоловский Л. Указ. соч. С. 229.

³¹ Цит. по: Войтоловский Л. Указ. соч. С. 332.

³² Автор статьи выражает признательность доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института российской истории РАН Сергею Алексеевичу Козлову, обнаружившему в Центральном архиве документальных коллекций г. Москвы (ЦАДКМ) комплекс писем участника Первой мировой войны М.М. Исаева и любезно предоставившего возможность использовать их в данной работе.

³³ ЦАДКМ. Ф. 69. М.М. Исаев (1880-1950). Оп. 1. Д. 82. Л. 38-39 (об).

людьми полка. Почти на каждом дворе летал пух из вспоротых подушек и перин. Ни в одной квартире не остались не вскрытыми сундуки и шкафы. Мебель, посуда – все ломалось, коверкалось. Обшивку мебели – плюш, бархат, кожу – сдирали: одни на портянки, другие на одеяла, третьи просто так, озорства ради. Офицерство всех батальонов, пользуясь тем, что позиция проходила по самой окраине города, расположилось не в окопах, как обычно, а в домах, производя там ревизию оставленного имущества. ...Если в первую ночь из Радзивиллова вереницей выходили нагруженные домашним скарбом жители, то с утра следующего дня потянулись повозки с награбленным имуществом, сопровождаемые денщиками. Маршрут небольшой. Всего полторы тысячи верст.

...Очистка квартир от ценного имущества производится поголовно всеми. С легкой руки некоторых офицеров солдаты в свою очередь набивают вещевые мешки всяким барахлом.

– Куда это вам? – спрашиваю я некоторых солдат. – Неужели до конца войны вы будете таскать всю эту дрянь?

– Ничего, ваше благородие, потаскаем...»³⁴.

Наконец, еще один вопрос, который следует затронуть, - острая **неприязнь фронтовиков к «тыловым и штабным крысам»**, которых в солдатской массе окрестили «внутренним врагом».

«Кроме своего трагического облика война явила мне и свой отвратительный лик, – писал 14 октября 1914 г. Ф. Степун. – Угнетающая забитость серых солдатских масс, что уныло поют в скотских вагонах. Бесконечное хамство некоторых «благородий», блистательная глупость блестящих генералов, врачи стратеги и сестры кокетессы... Впрочем, все это исключения, общий дух безусловно чист, хорош и бодр»³⁵.

Между тем, «забитые серые солдатские массы» уже искали виновников своих бед и находили их отнюдь не во вражеских окопах. Не случайно 4 января 1915 г., ругая в своем дневнике высокое начальство, прапорщик Бакулин писал: «Вообще здесь люди нипочем, ибо они ничего не стоят, а вот какая-нибудь грошевая казенная вещь – та ценится, и очень высоко, людей теряй, сколько хочешь, под суд не попадешь, а за вещь казенную, которой грош цена, под суд угодишь и не оберешься неприятностей»³⁶. Подобное отношение не прощалось, вызывая у солдат постепенно зреющее недовольство.

³⁴ *Оськин Д.* Записки прапорщика. С. 245, 247.

³⁵ *Степун Ф.А. (Н. Лугин).* Указ. соч. С. 10.

³⁶ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 51-52.

В. Арамилев писал: «В окопах меняются радикально или частично представления о многом. В Петрограде учили, что «внутренний враг» это те, которые... А на фронте стихийно вырастает в немудром солдатском мозгу совсем другое представление о «внутреннем враге».

В длинные скучные осенние вечера или сидя в землянке под впечатлением адской симфонии полевых и горных пушек мы иногда занимаемся «словесностью». Кто-нибудь из рядовых явочным порядком присваивает себе звание взводного и задает вопросы. На вопрос, кто наш внутренний враг, каждый солдат без запинки отвечает?

– Унутренних врагов у нас четыре: штабист, интендант, каптенармус³⁷ и вошь.

Социалисты, анархисты и всякие другие «исты» – это для большинства солдатской массы - фигуры людей, которые идут против начальства, хотя не того, что хочет начальство. А офицер, интендант, каптер и вошь – это повседневность, быт, реальность. Этих внутренних врагов солдат видит, чувствует, «познает» ежедневно...»³⁸

Но и фронтовые офицеры не меньше солдат ненавидели «штабных» и «тыловиков». Немало гневных страниц посвятил им в своем дневнике прапорщик Бакулин:

11 июля 1915 г.: «Так как в Варшаве гг. офицеры тыла проводят очень весело время, пользуются казенными автомобилями с шоферами-солдатами, напихают девиц легкого поведения и ведут себя на автомобилях просто по-хулигански, то от командующего Юго-Западным фронтом было предписание для всех офицеров, даже находящихся на позициях, вести себя приличнее и казенными автомобилями пользоваться для казенных надобностей только»³⁹.

13 января 1915 г.: «Теперь в войсках на позициях все основано на прапорщиках; ротных командиров, кроме прапорщиков и подпоручиков, нет, у нас в дивизии даже некоторыми батальонами командуют поручики. В тыловых учреждениях, разных командах сидят толстомордые поручики и капитаны, это те, кому бабушка ворожит и у тетеньки хвост длинный; опасности не подвергаются, получают за что-то чины, ордена, награды и ничего не делают. Вообще, кто на передовых позициях – самый несчастный народ: сидят в окопах, голодают, мерзнут, мокнут под дождем и снегом, подвергаются ежесекундно опасности, награды даются скупо, а если и дадут, то получают больше убитые, чем живые. В штабах, там дело другое, у всех штабных и даже ординарцев, прикомандированных к генералам, награды так и сыплются, как из рога изобилия, а за что? За то, что на позициях есть болваны, которые сидят, мерзнут и голодают, которых никто из штабных не видит. Вообще

³⁷ Каптернамус – унтер-офицер, заведующий ротной кладовой, в которой хранятся оружие, амуниция, одежда солдат.

³⁸ Арамилев В. В дыму войны // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 540.

³⁹ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 63.

людей, находящихся на позициях, штаб ни во что не считает, только бы были, да с винтовками, награждать их не стоит, все равно будут убиты»⁴⁰.

4 мая 1915 г.: «Наконец Верховнокомандующий обратил на ненормальность наград за боевые подвиги. Вышел от него приказ, что замечено, награды исключительно получают за боевые заслуги штабные, ординарцы при генералах и адъютанты, а остальные офицеры, в особенности пехота наградами обойдена, посему приказано представить всех без исключения к наградам за бои при Сольдау, Варшаве, Лодзи и Сестржанке – это по нашему корпусу»⁴¹.

М. Исаев 16-17 марта 1916 г. писал жене с Кавказского фронта: «...Трудно представить себе наши переживания, их нужно пережить самому. Наши нервы должны сказаться после войны, и я знаю, тем я уже не вернусь, каким поехал. И виной, право, не эти турки и курды, что перед нами – а свои российские турки и курды, которые своим равнодушием и безучастием наносят нам в спину – удар за ударом. Вместе с тем – ни на минуту не сожалею, что пошел на войну. Совесть лучшее мерило наших поступков, а она у меня спокойна. Знаю, что ни тебя, ни детей не «обеспечил» – но все-таки это не так мало – оставить своим детям сознание, что их отец поступил честно»⁴². Месяц спустя, 24 апреля 1916 г., в Страстную субботу, он с горечью продолжит эту тему: «Ах, сколько можно было бы привести примеров и обвинений в бесчувственности к ближнему находящихся в тылу. И вот здесь сказалась наша общественная отсталость. В «Русских Ведомостях» была помещена корреспонденция Осоргина из Рима, вызванная статьей московского корреспондента одной итальянской газеты. Итальянец прямо поражен равнодушием Москвы к войне, широкой жаждой наслаждений и т.п. Осоргин спрашивал, неужели это правда? Ну, редакция, конечно, говорит, что обобщать нельзя, что Москва как никто работает на войну, но что следует все-таки признать... В Англии – классической стране скачек – их нет теперь, во Франции почти нет театров – а у нас «пир во время чумы». В старину купцы мазали физиономии «человиков» горчицей и платили. Теперь у нас с аукциона покупается за 400 р. последний бокал шампанского, и серьезные газеты считают своим священным долгом оповестить об этом всю Россию с упоминаниями имени патриота-жертвователя. Конечно, знаешь, что не этими любителями зрелищ и тонких аукционов – исчерпывается Россия, но все же обидно и горько за «верхи», за «цвет» нашей страны. А простой народ продолжает

⁴⁰ Там же. С. 52.

⁴¹ Там же. С. 60.

⁴² ЦАДКМ. Ф. 69. М.М. Исаев (1880-1950). Оп. 1. Д. 82. Л. 52.

свое дело. Я думаю, что глубокий инстинкт сидит в нем, что надо воевать, что им принадлежит в будущем Россия, и ее судьбы»⁴³.

Война затянулась, вопреки всем прогнозам и ожиданиям. Она подвергла испытанию на прочность все винтики государственной машины, все стороны общественной жизни, нанесла чудовищный удар по сознанию народа и армии. После нескольких лет «сидения в окопах» чувство усталости от войны и у солдат, и у офицеров стало проявляться в отупении, безразличии, равнодушии ко всему. Возвышенные патриотические чувства сменились «физиологическим отвращением» к войне. «...Мне кажется, что все мы стали одновременно и много храбрее, и много трусливее, – писал жене 12 декабря 1916 г. из Галиции Ф. Степун. – Храбрее в смысле возможности все перенести, а трусливее в смысле нежелания что-либо переносить. Храбрость окончательно утратила всякое родство с духом самозабвения и с нарядностью поведения, превратившись в пустую душевную нудность, в тупую привычку терпеть, в ужасное «все все равно». Нервы же, конечно, у всех ослабли... Произошло это, думается мне, оттого, что постоянная опасность перестала ощущаться душой, как новое и значительное переживание, как некая духовная сущность. Когда-то в страшные минуты в моей душе звучала мелодия, теперь опасность наполняет мою душу лишь отвращением к войне. Раньше мне казалось, что моим ранением и моей смертью ведает мудрая судьба, теперь мне часто сдается, что весь я всецело во власти какой-то идиотической случайности. Раньше свист шрапнели будил во мне метафизическую мысль о человеческой судьбе, возмездии, загробной жизни, – теперь он приводит мне на память запах гнойных бинтов, стоны и крики в перевязочных. Эта загрязненность фантазии тяжело тяготеет надо мною, превращая мое духовное неприятие войны в чисто физиологическое к ней отвращение...»⁴⁴

Война ломала многие стереотипы сознания, крушила духовные ценности и моральные нормы, готовя народ к еще более страшным потрясениям, зарождающимся в ходе ее самой. В 1917 г., после Февральской революции и падения монархии в России, в условиях продолжающейся войны сначала рухнули основы воинской дисциплины, а затем и сама армия.

27 марта 1917 г. М. Исаев с горечью писал своим детям о ситуации в войсках: «Плохо стало теперь воевать..., солдаты уже не те стали. Хотели сделать солдат гражданами, а они ими не сделались, и солдатами настоящими быть перестали. Солдату теперь лучше живется, чем офицеру. Ни за что не отвечает, начальства не боится. Какие это воины, каждый думает

⁴³ ЦАДКМ. Ф. 69. М.М. Исаев (1880-1950). Оп. 1. Д. 82. Л. 80-83 (об.).

⁴⁴ Степун Ф.А. (Н. Лугин). Указ. соч. С. 152.

о своей шкуре, а об отечестве, об России только на словах говорит. Солдат рабочие пожалели, а нас офицеров не пожалели, а что армия без офицеров сделает?..»⁴⁵

Впереди был Октябрь 1917 года, и братоубийственная Гражданская война...

Об авторе:

Елена Спартаковна Сенявская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации.

---

⁴⁵ ЦАДКМ. Ф. 69. М.М. Исаев (1880-1950). Оп. 1. Д. 87. Л. 34-35.